

**А. Н. РАДИЩЕВ И Н. М. КАРАМЗИН
В ИДЕЙНОМ КОНТЕКСТЕ «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКИ» А. С. ПУШКИНА**

УДК 821.161.1-31. DOI 10.26170/FK20-01-04. ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,4. ГРНТИ 17.07.29.
Код ВАК 10.01.08

Зверева Т. В.

Удмуртский государственный университет
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

Tatyana V. Zvereva

Udmurt State University
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0485-7664>

**A. N. RADISHCEV AND N. M. KARAMZIN
IN THE IDEOLOGICAL CONTEXT OF “THE CAPTAIN’S DAUGHTER”
BY A. S. PUSHKIN**

Abstract. The novel “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin is analyzed in the context of ideological and creative dialogue with A. N. Radishchev and N. M. Karamzin. The last chapter of the novel (‘Judgment’), in which the yearlong dispute with Pushkin’s forerunners is summarized, has become an object of scholarly investigation in this study. A hypothesis is posed that Pushkin’s novel goes back to the ‘teaching for king Merykara’ genre. “The Captain’s Daughter” has associations with the texts directly addressed to the authorities – the novel “A Journey from St Petersburg to Moscow” by Radishchev and “A Note on Ancient and Modern Russia in its Political and Civic Respects” and “The Manifesto” by Karamzin. A trip from ‘Sophia’ to ‘Chernaya gryaz’ is depicted in “A Journey from St Petersburg to Moscow”, and Sophia station becomes the last point of Masha Mironova’s odyssey in “The Captain’s Daughter”. Thus Pushkin unfolds a spatial as well as a semantic vector in his work. Foreseeing the doom of Radishchev’s poetry, the poet follows the example of Karamsin and outlines a program of state governance. Pushkin addresses Nicolas I through the image of Catherin II, reminding the former about the most important principles of monarchy, hereby reviving “The Manifesto” by Karamsin. The ideological positions of Radishchev and Karamsin are compared rather than opposed to each other in the novel, because Pushkin considers it important to mark and bring together the two poles of Russian history and culture. On the basis of numerous examples, the author of the study shows that the finale of “The Captain’s Daughter” contains historical allusions, which refer the readers to the tragic episodes in the history of the Russian state – the arrest and trial of Radishchev and the execution of Decembrists on July 13, 1826. These two historic events are closely bound up with the autobiographical plot which is inseparable from Radishchev and Karamsin’s fates.

Keywords: author’s position; literary genres; literary plots; intertextuality; historical novels; Russian writers; literary creative activity; historical allusions.

Аннотация. Впервые «Капитанская дочка» А. С. Пушкина рассмотрена в контексте идейного и творческого диалога с А. Н. Радищевым и Н. М. Карамзиным. Объектом научного внимания стала последняя глава пушкинского романа («Суд»), в которой подведены итоги многолетнего спора с великими предшественниками. В исследовании выдвинута гипотеза о том, что жанр пушкинского романа восходит к жанру «поучения царям». В «Капитанской дочке» обнаруживается связь с текстами, непосредственно адресованными к власти, – книгой А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», а также «Запиской о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» и «Манифестом» Н. М. Карамзина. Если в «Путешествии из Петербурга в Москву» изображен путь от «Софии» к «Черной грязи», то в «Капитанской дочке» станция София станет последним пунктом скитаний Маши Мироновой, т. е. Пушкин развернет не только пространственный, но и смысловой вектор своего произведения. Осознавая обреченность радищевской позиции, поэт идет вслед за Карамзиным и создает образец программы государственного правления. Через образ Екатерины II Пушкин обращается к Николаю I, напоминая последнему о важнейших принципах царствования и воскрешая тем самым «Манифест» Н. М. Карамзина. В романе идейные позиции Карамзина и Радищева не столько противопоставлены, сколько сопоставлены друг с другом, поскольку для Пушкина важно обозначить и примирить между собой два противоположных полюса русской истории и культуры. На многочисленных примерах автор исследования показывает, что в финале «Капитанской дочки» присутствуют исторические аллюзии, отсылающие читателя к трагическим эпизодам истории государства Российского, – аресту и суду над Радищевым и казни декабристов 13 июля 1826 г. Эти два исторических события тесно переплетены с автобиографическим сюжетом, неотделимым от судеб Радищева и Карамзина.

Ключевые слова: авторская позиция; литературные жанры; литературные сюжеты; интертекстуальность; исторические романы; русские писатели; литературное творчество; исторические аллюзии.

Для цитирования: Зверева, Т. В. А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин в идейном контексте «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / Т. В. Зверева. – Текст: непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 41–50. – DOI: 10.26170/FK20-01-04.

For citation: Zvereva, T. V. (2020). A. N. Radishcev and N. M. Karamzin in the Ideological Context of “The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 1, pp. 41–50. DOI: 10.26170/FK20-01-04.

«Бывают странные сближения»
А. С. Пушкин

Говоря словами О. Э. Мандельштама, «воспаленные веки» А. Н. Радищева не давали А. С. Пушкину спать. Еще будучи лицеистом в 1815 г. Пушкин вслед за Радищевым берется за стихотворную разработку «Бовы» (влияние радищевской поэмы впоследствии угадывается в «Руслане и Людмиле»). 1817 год отмечен одой «Вольность», принесшей Пушкину известность в поэтических кругах. По-видимому, в эти годы и происходит первое знакомство Пушкина с «Путешествием из Петербурга в Москву». Свидетельство этому – письмо Н. И. Тургенева, датированное 1818 г.: «„Мы на первой станции образованности“ – сказал я недавно молодому Пушкину. – „Да, – отвечал он, – мы в Черной Грязи!“» [Декабрист Н. И. Тургенев 1936: 241]. Отсылками к текстам опального писателя отмечены многие произведения, однако пристальный интерес к радищевской мысли возникнет в 1830-е гг., когда Пушкин вплотную приближается к истории государства Российского. Концепция «Истории пугачевского восстания» во многом определена взглядами Радищева [Оксман 1959]. В 1833 году Пушкин приобретает редкий экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», в этом же году начинается работа над «Путешествием из Москвы в Петербург». В силу целого ряда обстоятельств зеркальный по отношению к Радищеву пушкинский текст так и остался в рукописи. Уже предчувствуя собственный конец, в 1836 году Пушкин трижды обращается к имени Радищева: в пронизательном и до сих пор одном из лучших публицистических текстов «Александр Радищев», в черновом варианте «Памятни-

ка» и, наконец, как мы полагаем, – в романе «Капитанская дочка»¹.

О литературных переключках Пушкина и Радищева писалось много, особенно в советскую эпоху. Вследствие смены идеологии на рубеже XX – начала XXI вв. интерес к Радищеву ослаб, а вместе с ним оказалось на периферии и изучение пушкинско-радищевских связей. В отечественной филологии отсутствуют работы, в которых бы специально рассматривалась связь «Капитанской дочки» с «Путешествием из Петербурга в Москву», хотя к сегодняшнему моменту имеется ряд значимых для нас суждений, которые будут привлечены в ходе дальнейших размышлений. В настоящем исследовании глава «Суд» впервые проанализирована как текст, в котором Пушкин подводит итог многолетнему спору с Радищевым (в этой же главе происходит окончательное примирение с позицией Н. М. Карамзина, о чем будет сказано ниже).

И Радищев, и Пушкин обращаются к одному и тому же периоду русской истории. Радищев писал свой роман по следам пугачевского восстания, разумеется, не называя имени бунтовщика, поскольку хорошо помнил указ Екатерины II о предании имени Пугачева «вечному забвению и глубокому молчанию». Уже на первой станции (глава «София») путешественник произнесет слова, предвосхитившие суждения Пушкина о природе русского бунта: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренный кро-

¹ Необходимо также иметь в виду, что и судьба Радищева напоминала Пушкину его собственную. Об этом в свое время пронизательно писали В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсон: «Император Павел, возвратив Радищева из ссылки, взял с него обещание „не писать ничего противного духу правительства“. Радищев сдержал свое слово. Это о себе в 1826 году; требование Николая II повторено почти дословно» [Вацуру, Гиллельсон 1986: 107].

вию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории российской» [Радищев 1938: 230]. Роман был обращен к изображению страны, только что пережившей ужас пугачевского восстания. Екатерине-законодательнице Радищев показывал бездействие принятых законов и предупреждал императрицу, что подобная ситуация может привести к распаду России. В какой-то степени, все творчество Пушкина после 1825 года – это осмысление исторической катастрофы и осознание опасности нового бунта. В данном аспекте «Капитанская дочка» не что иное, как ответ на высочайший манифест 19 декабря 1825 года, в котором в категорической форме говорилось о случайности декабрьских событий и принципиальной невозможности революционного восстания.

По убедительной концепции В. Кантора, в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев напрямую обращался к Екатерине II: «Вся книга есть по сути дела докладная записка Екатерине, апелляция к ее вкусу, ругание масонов, французской революции, иногда и явное подмигивание императрице» [Кантор 2006: 85]. Думается, что в названии первой – несуществующей – станции Радищев зашифровал девическое имя императрицы – София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская. Для писателя-философа также был важен и смысл слова «София» («мудрость»). Начиная свой роман с обращения к Екатерине-Софии, автор возлагал надежды на проницательность императрицы.

Вектор путешествия в радищевской книге означен как путь от первой станции (София) к последней (Черная грязь). Этот отрицательный вектор демонстрирует движение вниз, что согласуется с эпиграфом к роману, взятым из «Телемахида» Третьяковского (согласно мифу, Телемак попадает в ад). Эти смыслы блестяще развернуты в современных исследованиях [Вильк 2002; Кантор 2006], однако в них не учтен один важный аспект. Речь идет о том, что «Похождения Телемака, сына Улисса» Фенелона (перевод В. Третьяковского 1766 г.) стали главным текстом русского XVIII века (высоким статусом эта книга была наделена и в Европе: Монтескье, например, называл данный роман «божественной книгой нашего столетия»). В своем романе

Фенелон вел разговор о принципах управления государством и учреждал программу формирования идеального монарха [Сазонова 2000: 31]. Кульминационным в данном произведении является сюжет прозрения: Медор обращается в Минерву, и ослепленный Телемак видит «лице женское прекрасно, молодого цвета, бело как лилеи, и красно как черлень». Легко заметить, что этот эпизод лег в основание радищевского романа (путешественнику снится сон: Прямошора снимает с его глаз бельмы, в результате чего его зрение очищается). Радищев рассчитывал на прозрение Екатерины II, литературный образ которой в русской культуре XVIII в. устойчиво ассоциировался с Минервой¹. Разительное отличие радищевской книги от фенелоновского «Телемака» заключено в отсутствии позитивно-созидательного начала, поскольку русский писатель всецело сосредоточен на описании негативных сторон России.

Эта задача будет решена в «Капитанской дочке». Тотальное отрицание российской империи сменится у Пушкина созданием положительной программы. В рукописи «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин дает подробное описание своей встречи с радищевским произведением: «Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю **, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике; но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. „Постой, – сказал мне **, – есть у меня для тебя книжка“. С этим словом вынул он из-за полного собрания сочинений Александра Сумарокова и Михаила Хераскова книгу, по-видимому изданную в конце прошлого столетия. „Прошу беречь ее, – сказал он таинственным голосом. – Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность“. Я раскрыл ее и прочел заглавие: „Путешествие из Петербурга в Мо-

¹Об этом: Рязанцева И. В. Екатерина II в зеркале античной мифологии [Рязанцева 1997].

скву». С. П. Б. 1790 г.» [Пушкин 1959–1962, т. 6: 380]. Подаренная Пушкину «скудная книга» обнаруживает двойное дно: за именами Сумарокова и Хераскова стоит имя Радищева. Эпиграфы «Капитанской дочки» неоднократно отсылают читателя к Сумарокову и к Хераскову. Не является ли это литературной игрой? И не скрывается ли за именами государственных поэтов намек на имя опального писателя?

В «Капитанской дочке» нет прямых отсылок к имени Радищева, но именно в последней главе будет упомянута значимая для «Путешествия из Петербурга в Москву» станция София. 1 января 1780 года императрица написала указ «Об учреждении Санкт-петербургской губернии из семи уездов»: «...при Селе Царском, по правую сторону новой дороги Новгородской, а по левую к Порхову идущей, устроить город под названием София» [Полн. собр. законов 1830]. Действие романа разворачивается в 1773–1775 гг., и Пушкин, проведший свое детство и юность в Царском Селе, прекрасно осведомлен в том, что во времена пугачевского бунта этого места на карте Российской империи не существовало. Еще П. Я. Вяземский указывал на хронологические смещения в «Капитанской дочке»: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» [Пушкин 1984: 236] (кстати, и путешественник Радищева безразличен к конкретизации времени: «Зимой ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимой и летом» [Радищев 1938: 232]). Противоречия, когда-то ставшие конструктивным принципом «Евгения Онегина», присутствуют и в последнем пушкинском романе¹. Подобная нарративная стратегия порождает условно-сказочное пространство, по отношению к которому привычные логические схемы суждения обнаруживают свою неправомерность. Кроме того, система «противоречий» как бы подготавливает читателя к кульминационному, на наш взгляд, анахронизму – прибытию Маши Мироновой на несуществующую станцию. Комментируя «Капитанскую доч-

ку», А. С. Гиллельсон и М. И. Мушин указали на то, что описание станции прямо восходит к роману А. Н. Радищева: «София – уездный городок Санкт-Петербургской губернии, основанный в 1785 году и названный по тогда же заложеному там собору» [Гиллельсон, Мушин 1977: 161].

Для чего Пушкину потребовалось смещение временных пластов? Думается, что называние станции необходимо Пушкину для того, чтобы возобновить спор с Радищевым. Как и в случае с незавершенным «Путешествием из Москвы в Петербург» в «Капитанской дочке» задан обратный по отношению к радищевскому роману вектор движения – все в «Капитанской дочке» устремлено к Софии/Мудрости. Самого же описания станции в тексте нет (у Радищева изображение этого места также отсутствует). Что же осталось за пределами пушкинского текста? Как и другие произведения, «Капитанская дочка» рассчитана на посвященного читателя, хорошо знакомого с окрестностями Петербурга. Уездный город славился, прежде всего, Софийским собором, ставшим главной архитектурной примечательностью. Этот собор возводили в 1782–1788 гг. как храм-памятник в честь наших побед в русско-турецких войнах. Иными словами, Пушкин не просто разворачивает вспять пространственный вектор, но придает ему вертикальное направление – это еще и движение вверх, к Софии/Вознесению (парадоксальным образом финал «Капитанской дочки» пересекается с финалом «Мертвых душ», где горизонтальное пространство благодаря образу птицы-тройки трансформируется в вертикальное).

Если радищевский роман адресован Екатерине II, то «Капитанская дочка» может быть прочитана как непосредственное обращение к Николаю I². Когда-то после прочтения «Бориса Годунова» император посоветовал поэту написать историю в духе Вальтера Скотта: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если б с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть

¹ О системном характере пушкинских анахронизмов и неточностей в «Капитанской дочке» наиболее убедительно писал А. Осповат [Осповат 1999].

² Интересно, что ранее подобная мысль была высказана Н. Н. Петруниной, видевшей в параллельной пушкинскому роману «Истории Пугачева» адресованную властям «записку» по крестьянскому вопросу [Петрунина 1969: 231].

или роман на подобие Вальтера Скотта» [Цит. по: Зингер 1934: 515]. В конце жизни Пушкин «идет навстречу» желанию Николая и пишет произведение, в котором воспроизводится сюжетная схема английского романиста (любовь героев на фоне исторических событий). Но «скоттовская» традиция с ее ориентацией на романтизацию истории была внешней, по существу же «Капитанская дочка» являла собой идеальную презентацию власти. Признавая вслед за Радищевым стихийный характер русской истории и осознавая возможную гибель империи, Пушкин прочерчивал идеальный вектор, направленный в будущее.

Жанр «поучения царям» – один из самых притягательных для Пушкина («истину царям с улыбкой говорить» любили все русские писатели). Этот жанр трагически не удался Радищеву: реальность в очередной раз обнаружила свое расхождение с литературой. Екатерина, напуганная восстанием Пугачева, жестоко обошлась как с восставшими, так и с автором романа, который показался ей «бунтовщиком, хуже Пугачева». Впервые Пушкин напрямую обращается к царю в «Воображаемом разговоре с Александром I». Результатом знаменитой аудиенции у Николая I (8 сентября 1826 г.) стали, с одной стороны, непринятые друзьями «Стансы», с другой – записка «О народном просвещении», неблагосклонно встреченная властями. В своем последнем романе поэт вновь обращается к царю, но следует не столько за Радищевым, сколько за Карамзиным. Если в начале своего пути Пушкин укорял историка и не соглашался с его политическими взглядами, то после смерти Карамзина отношение к нему радикально меняется¹.

Представляется, что образцом подобного жанра для Пушкина могла стать «Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Н. М. Карамзина («Записка» не была опубликована, но ее списки ходили по рукам; в 1835 году она была обнаружена Пушкиным²). «Без улыбки» поуча

чая Александра I, Карамзин критиковал его либеральную программу и предлагал собственное видение общественно-политической ситуации. Уже в конце своей жизни Карамзин составил манифест нового царствования для Николая I, но из манифеста будут убраны важнейшие положения, – те, что должны были, по мнению историка, определять принципы нового правления. Среди вычеркнутого – «правосудие и милосердие человеколюбия». Именно с этими словами Маша Миронова и предстанет перед императрицей: «Я приехала просить милости, а не правосудия» [Пушкин 1984: 80]. Эта фраза, с одной стороны, возвращает читателя к манифесту Карамзина; с другой, – иронично напоминает об именном указе Екатерины II, которая «по милосердию и для всеобщей радости» заменила Радищеву смертную казнь на ссылку. В последнем романе Пушкин сводит два противоположных полюса русской истории – Радищева и Карамзина³. На этот важнейший аспект еще не обращали внимание литературоведы, а именно он определяет идейную структуру романа.

Обратимся к образу Екатерины II в романе «Капитанская дочка». У Пушкина не было оснований идеализировать императрицу (в сохранившихся «сожженных» записках говорится и о политике Екатерины, способствовавшей «закрепощению вольной Малороссии и польских провинций», и о противоречивости императрицы, «любящей просвещение», но заключившей Новикова в темницу, сославшей Радищева в Сибирь...)» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 194]]. Тем не менее, в «Капитанской дочке» Пушкин полностью уходит от обличительного пафоса и рисует образ идеального властителя. Екатерина II связана с двумя локусами: с одной стороны, со станцией София (именно здесь Маша Миронова узнает о «тайнствах придворной жизни»); с другой – с Царским Селом, где происходит кульминационный разговор, решающий судьбу Гринева.

¹ О карамзинско-пушкинских связях наиболее точно и полно писал Н. Я. Эйдельман [Эйдельман 1987: 177–260].

² П. Аннеков писал: «Пушкин был чуть ли не первым у нас, заговорившим публично о „Древней и новой России“ Карамзина» [Аннеков и его друзья 1892: 78].

³ Обратим внимание, что в статье «Александр Радищев» имеется эпитафия из Карамзина: Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu («не следует, чтобы честный человек заслуживал повешения»). Здесь важна не столько скрытая отсылка к казни декабристов, сколько соединение имен Радищева и Карамзина в пределах одного текста.

Императрица появляется в романе «около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева» [Пушкин 1984: 80]. «Пушкин в „Капитанской дочке“ подсветил свой образ Екатерины II двумя лучами: один отсылал читателя к торжественному портрету Левицкого, другой – к связанному с просветительской концепцией власти (государь-человек) портрету Боровиковского. Литературный образ, созданный Пушкиным, осциллирует между двумя живописными портретными концепциями Екатерины: персонализацией мощи государственного разума и воплощением гуманной человечности монарха эпохи Просвещения» [Лотман 2002: 371]. В последней главе, таким образом, одновременно «оживают» две картины: императрица сходит с портрета В. Боровиковского («Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке»), но осуществляет функцию богини Правосудия, что отвечает живописной концепции Д. Левицкого («Екатерина II – законодательница в храме богини Правосудия»). Развязка романа всецело соответствует приему, характерному для классицизма, – *deus ex machine*. Пушкинская императрица и есть София, следующая высшему – христианскому – закону. Иными словами, в финале императрице возвращается ее подлинное имя. «Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий...», – писал когда-то Пушкин в предисловии к «Борису Годунову». В «Капитанской дочке» этот карамзинский принцип воплощен наиболее полно.

На страницах своего последнего романа Пушкин воскрешает екатерининский «Наказ Комиссии о составлении проекта Нового уложения»: «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно». Следование нравственному закону – мысль, последовательно проводимая Пушкиным в произведениях 1830-х гг. В «Капитанской дочке» наиболее известна следующая сентенция, обычно приписываемая автору: «Молодой человек, если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [Пушкин 1984: 38]. Л. С. Сидяков указал на то, что дан-

ный фрагмент не что иное, как автоцитата из написанного вслед Радищеву «Путешествия из Москвы в Петербург» [Сидяков 1973: 188]: «Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени, и без того довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений, политических, страшных для человечества...» [Пушкин 1959–1962.; т. 6: 396]¹. Добавим, что еще один поэтический манифест Пушкина – «Пир Петра Великого» (1835) – был опубликован в «Современнике» к десятилетию казни декабристов и отправки на каторгу ссыльных.

В романе милость государыни стала залогом спасения Гринева, но за этим внешним, «идиллическим», сюжетом проступают контуры радищевской истории (Екатерина II читает «Путешествие из Петербурга в Москву» в Царском Селе и «милует» автора романа Илимским острогом). Кроме того, в заключительной главе имеются скрытые отсылки к современным событиям – суду над декабристами. Казнь над главными виновниками восстания состоялась 13 июля 1826 г. – эта дата трагически повторила 13 июля 1790 г., когда решением императрицы был издан указ «о предании Радищева уголовному суду». Таким образом, можно говорить о том, что заключительный эпизод одновременно связан и с судом над Радищевым, и с судом над участниками декабрьского восстания.

В последней главе речь идет, прежде всего, о современных Пушкину событиях. В преддверии суда над декабристами Пушкин, как и многие, ждал от молодого императора милости, доказательства этому – письма к Дельвигу, в которых постоянно звучат слова «великодушие» и «милость царская».

¹Заметим, что в «Путешествии в Арзрум», написанном параллельно с «Капитанской дочкой» и подготовленным к печати в 1835 г., к десятилетию выступления декабристов, Пушкин настойчиво повторяет мысль о следовании нравственному закону. Сообщая читателю о ненависти черкесов по отношению к русским, автор указывает только один возможный путь примирения: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. <...> Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» [Пушкин 1959–1962, т. 5: 420].

Даже после казни поэт продолжает надеяться на облегчение участи оставшихся: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» [Пушкин 1959–1962, т. 9: 236]. Напомним, что эпохальные ожидания не в последнюю очередь были связаны с заступничеством Карамзина, но историк не доживет до дня казни. Несмотря на то, что Николай обещал проявить милосердие¹, долгожданного прощения не произошло. Г. А. Невелев первым отметил, что в главе «Суд» Пушкин воспользовался историческими документами о процессе над декабристами. Описание допроса Гринёва не соответствует исторической действительности, зато «все детали приведенного текста точно воспроизводят реалии заключения декабристов в Петропавловской крепости, именно так привозили в нее привлеченных по делу 14 декабря 1825 г.» [Невелев 1985: 156]. Даже порядковый – четырнадцатый – номер последней главы косвенно свидетельствует о дате восстания.

Знаменательно, что Николай I в день казни находился в Царском селе. В сохранившихся фрагментах пушкинских записок есть следующее свидетельство: «Он (Николай – курсив мой) стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец» [Пушкин 1959–1962, т. 7: 320]. Точность этого исторического факта под сомнением, но важно, что Пушкин вносит его в свой «Дневник». Поразительно, как эта картина близка по описанию эпизоду встречи Маши Мироновой и императрицы: здесь и упоминание Кагульского/румянцевского памятника, и пруда/озера, и присутствие собаки. Развернутое описание «раннего», «прекрасного утра» указывает на раннее утро 13 июля, которое тоже, по свидетельствам современников, «выдалось теплым и ясным» [Невелев 1985: 87]. Имя главной героини может быть связано с именем Марии Волконской, последовавшей за мужем в Сибирь. Из-

вестно, что Пушкин нелегально присутствовал на ее проводах, и это событие произвело на него неизгладимое впечатление. Перечисленные факты еще раз подтверждают наше предположение, что в финале «Капитанской дочки» зашифрована современная Пушкину ситуация².

Вместе с тем нельзя полагать, что последняя глава «Капитанской дочки» являет собой пушкинский суд над Николаем I, позиция автора намного сложнее и противоречивее. Предъявляя императору вину, Пушкин одновременно и прощает его, как простил когда-то Александра I («Простим ему неправое гоненье, / Он взял Париж, он основал лицей»). Именно Николай I вызволил поэта из тягостной Михайловской ссылки. Напомним, что в ночь на 4 сентября 1826 г. в Михайловское приехал жандармский офицер и внезапно увез Пушкина, не дав времени на сборы («Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было» [Пушкин 1974: 426]). В финале «Капитанской дочки» этот автобиографический сюжет повторен почти буквально. Совпадает не только время действия («свежее дыхание осени»), но и сам способ, которым государыня призывает к себе Машу, чтобы сообщить о помиловании: «Камер-юнкер объявил, что государыне угодно было, чтобы Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут». По невероятному стечению обстоятельств, но именно 4 сентября 1790 г. вышел именным указ Екатерины о признании вины Радищева. В тот день, когда Радищеву предъявят вину, Пушкина простят и даруют ему свободу.

«Капитанская дочка» станет той последней «запиской», которая найдет отклик в душе царя. Николай I проявит человечность: когда ему сообщат о случившейся дуэли, он напишет письмо Пушкину, в котором даст слово заботиться о семье, остающейся без кормильца. Последние слова императора, сказанные поэту («О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки» [Вересаев 1984: 576]), почти дословно повторяют/цитируют обещание, данное Екатериной Маше Мироновой: «...не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить

¹ «Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много...». Цит. по: Г. А. Невелев [Невелев 1985: 31].

² См. также последние работы об исторических аллюзиях в «Капитанской дочке»: [Богданова 2019; Зверева 2019].

ваше состояние» [Пушкин 1984: 83]. Пушкин мог бы сказать словами покидающего жизнь Карамзина: «Если сам уж не буду пользоваться плодами такой царской, беспримерной у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наисчастливейшим образом...» [Кармазин 1862: 130].

Таким образом, жанр «Капитанской дочки» (как и тексты Радищева и Карамзина) относится к жанру «поучений» императору. Жанровая модель романа усложняется: семейная хроника Гринева оборачивается государственной запиской. София – идеальная станция, к которой должна быть устремлена российская империя (этот город задумывался Екатериной как очередной образцовый город). Примечательно, что главные герои пушкинского романа так и не доедут до столицы: в начале в Петербурге волею отца не окажется Гринева, в финале Марья Ивановна, «не любопытствовав взглянуть на Петербург, обратно уехала в деревню» [Пушкин 1984: 83]. В жизни самого поэта к тому времени оставалась последняя «станция» – «Черная речка», название которой напоминает о заключительной главе радищевского романа.

Когда-то П. Я. Чаадаева очаровала «совершенная простота» «Капитанской дочки», но «голая проза» Пушкина в очередной раз обнаружила свою неисчерпаемую глубину. Подобно «магическому кристаллу», текст наращивает смысл во времени, и чем далее, тем актуальнее оказываются размышления поэта, осознающего все противоречия русской истории и объединяющего в своем романе таких противоположных мыслителей, как А. Н. Радищев и Н. М. Карамзин.

«Мое пламенное желание, друг мой, видеть вас, посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание», – писал Чаадаев Пушкину после 1825 г. [Чаадаев 1914: 105]. В день окончания «Капитанской дочки» (19 октября 1836 г.) Пушкин адресуется к Чаадаеву, блестяще доказывая свою причастность к «тайнам времени» и ставя точку еще в одном споре, проходящем через все творчество. Но тема пушкинско-чаадаевских связей в идейной структуре «Капитанской дочки» требует отдельного разговора...

ЛИТЕРАТУРА

- Анненков П. В. и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг. – Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1892. – 666 с.
- Богданова, О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 3. – С. 365–370.
- Вацууро, В. Э. Сквозь «умственные плотины» / В. Э. Вацууро, М. И. Гиллельсон. – Москва: Книга, 1986. – 381 с.
- Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: Систематический свод личных свидетельств современников / В. В. Вересаев. – Москва: Московский рабочий, 1984. – 703 с.
- Вильк, Е. Е. «Чудище стозебно» и Тифон («Путешествие...» А. Н. Радищева в контексте мистической литературы XVIII в.) / Е. Е. Вильк // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 55 (3). – С. 151–173.
- Гиллельсон, М. И. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / М. И. Гиллельсон, И. Б. Мушина. – Ленинград: Просвещение, 1977. – 192 с.
- Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к С. И. Тургеневу. – Москва: Изд-во АН СССР, 1936. – 588 с.
- Зверева, Т. В. Площадь и балаган: размышления над «Капитанской дочкой» Е. Михайловой / Т. В. Зверева // Уральский филологический вестник: Русская классика. Динамика художественных систем. – 2019. – № 4. – С. 123–134.
- Зингер, Т. Николай I – редактор Пушкина / Т. Зингер // Литературное наследство. – Москва: Журнально-газетное объединение, 1934. – Т. 16–18. – С. 513–536.
- Кантор, В. Откуда и куда ехал путешественник? / В. Кантор // Вопросы литературы. – 2006. – № 4. – С. 83–138.
- Кармазин, Н. М. Неизданные сочинения и переписка / Н. М. Кармазин. – Санкт-Петербург, 1862. – Ч. 1. – 250 с.
- Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Академический проспект, 2002. – С. 349–375.
- Невелев, Г. А. «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов) / Г. А. Невелев. – Москва: Мысль, 1985. – 205 с.
- Оксман, Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев. Исследования и материалы / Ю. Г. Оксман. – Саратов, 1959. – С. 5–133.

- Осповат, А. Л. Из комментария к «Капитанской дочке»: лубочные картинки / А. Л. Осповат // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования. – Москва: ОГИ, 2001. – С. 357–365.
- Петрунина, Н. Н. Вокруг «Истории Пугачева» / Н. Н. Петрунина // Пушкин: Исследования и материалы. – Москва: Изд-во АН СССР; Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1969. – Т. 6. – С. 229–251.
- Полное собрание законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 20. – № 14958.
- Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. – Москва: Худож. лит., 1974. – Т. 1. – 542 с.
- Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин. – Ленинград: Наука, 1984. – 317 с.
- Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: ГИХЛ, 1959–1962.
- Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. / А. Н. Радищев. – Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1938–1954. – Т. 1. – 503 с.
- Рязанцев, И. В. Екатерина II в зеркале античной мифологии / И. В. Рязанцев // Русская культура времени Екатерины II. – Москва: Институт российской истории РАН, 1997. – С. 129–138.
- Сазонова, Л. И. Переводной роман в круге масонского чтения / Л. И. Сазонова // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 30–52.
- Сидяков, Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина / Л. С. Сидяков. – Рига, 1973. – 218 с.
- Чаадаев, П. Я. Сочинения и письма / П. Я. Чаадаев. – Москва: Путь, 1914. – Т. 2. – 342 с.
- Эйдельман, Н. Я. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837 / Н. Я. Эйдельман. – Москва: Художественная литература, 1987. – 463 с.

REFERENCES

- Annenkov P. V. *I ego druz'ya: Literaturnye vospominaniya i perepiska 1835–1885 gg.* [Annenkov P. V and its Friends: Literary Memoirs and Correspondence 1835–1885]. (1892). Saint Petersburg, Izdanie A. S. Suvorina. 666 p.
- Bogdanova, O. V. (2019). *Alluziynyi podtekst v romane A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [Allusive Implied Sense in A. S. Pushkin's Novel *Captain's Daughter*]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 12. Issue 3, pp. 365–370.
- Chaadaev, P. Ya. (1914). *Sochineniya i pis'ma* [Compositions and Letters]. Moscow, Put'. Vol. 2. 342 p.
- Dekabrist N. I. Turgenev: Pis'ma k S. I. Turgenevu* [Decembrist N. I. Turgenev: Letters to S. I. Turgenev]. (1936). Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 588 p.
- Eidel'man, N. Ya. (1987). *Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826–1837* [Pushkin: from the Biography and Creativity. 1826–1837]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 463 p.
- Gillel'son, M. I., Mushina, I. B. (1977). *Povest'A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka»* [A. S. Pushkin's Story *Captain's Daughter*]. Leningrad, Prosveshchenie. 192 p.
- Kantor, V. (2006). *Otkuda i kuda ekhal puteshestvennik?* [Whence and Where the Traveller Went?]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 83–138.
- Karamzin, N. M. (1862). *Neizdannye sochineniya i perepiska* [Not Published Compositions and Correspondence]. Saint Petersburg. Part. 1. 250 p.
- Lotman, Yu. M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on Culture and Art Semiotics]. Saint Petersburg, Akademicheskii prospekt, pp. 349–375.
- Nevelev, G. A. (1985). *«Istina sil'nee tsarya...»: (A. S. Pushkin v rabote nad istoriei dekabristov)* [“The True is Stronger than the Tsar ...”: (A. S. Pushkin in Work on History of Decembrists)]. Moscow, Mysl'. 205 p.
- Oksman, Yu. G. (1959). *Ot «Kapitanskoi dochki» k «Zapiskam okhotnika»*. Pushkin – Ryleev – Kol'tsov – Belinskii – Turgenev. *Issledovaniya i materialy* [From *The Captain's Daughter* to *Notes of the Hunter*. Pushkin – Ryleev – Koltsov – Belinsky – Turgenev. Researches and Materials]. Saratov, pp. 5–133.
- Ospovat, A. L. (2001). *Iz kommentariya k «Kapitanskoi dochke»: lubochnye kartinki* [From the Comment to *The Captain's Daughter*: Basten Pictures]. In *Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde, 1999: materialy i issledovaniya*. Moscow, OGI, pp. 357–365.
- Petrulina, N. N. (1969). *Vokrug «Istorii Pugacheva»* [Around *Stories of Pugachev*]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie. Vol. 6, pp. 229–251.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Full Meeting of Laws of the Russian Empire]. (1830). Saint Petersburg. Vol. 20, No. 14958.
- Pushkin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 t.* [Pushkin in Memoirs of Contemporaries, in 2 vols.]. (1974). Moscow, Khudozhestvennaya literature. Vol. 1. 542 p.
- Pushkin, A. S. (1959–1962). *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works, in 10 vols.]. Moscow, GIXL.
- Pushkin, A. S. (1984). *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Leningrad, Nauka. 317 p.
- Radishchev, A. N. (1938). *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 t.* [Complete Works, in 3 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. Vol. 1. 503 p.
- Ryazantsev, I. V. (1997). *Ekaterina II v zerkale antichnoi mifologii* [Ekaterina II in a Mirror of Antique Mythology]. In *Russkaya kul'tura vremeni Ekateriny II*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 129–138.
- Sazonova, L. I. (2000). *Perevodnoi roman v krughe masonskogo chteniya* [The Translation Novel in a Circle of Masonic Reading]. In *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX v.* Moscow, Editorial URSS, pp. 30–52.
- Sidyakov, L. S. (1973). *Khudozhestvennaya proza A. S. Pushkina* [A. S. Pushkin's Art Prose]. Riga. 218 p.
- Vatsuro, V. E., Gillel'son, M. I. (1986). *Skvoz' «umstvennye plotiny»* [Through “Intellectual Dams”]. Moscow, Kniga. 381 p.

Veresaev, V. V. (1984). *Pushkin v zhizni: Sistematicheskii svod lichnykh svidetel'stv sovremennikov* [Pushkin in Life: the Regular Arch of Personal Certificates of Contemporaries]. Moscow, Moskovskii rabochii. 703 p.

Vil'k, E. E. (2002). «Chudishche stozevno» i Tifon («Puteshestvie...» A. N. Radishcheva v kontekste misticheskoi literatury XVIII v.) [“The Monster has Hundred Mouths” and Tifon («Travel...» by A. N. Radishchev in a Context of the Mystical Literature of XVIII century)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 55 (3), pp. 151–173.

Zinger, T. (1934). Nikolai I – redaktor Pushkina [Nikolay I – Pushkin's Editor]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie. Vol. 16–18, pp. 513–536.

Zvereva, T. V. (2019). Ploshchad'i balagan: razmyshleniya nad «Kapitanskoi dochkoi» E. Mikhailovoi [The Area and Buffoonery: Reflexions over *The Captain's Daughter* E. Mihailova]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik: Russkaya klassika. Dinamika khudozhestvennykh sistem*. No. 4, pp. 123–134.

Данные об авторе

Зверева Татьяна Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия).

Адрес: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1.

E-mail: tvzver.1968@yandex.ru.

Author's information

Zvereva Tatyana Vyacheslavovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Literature and the Literature Theory, Udmurt State University (Izhevsk, Russia).